

Эмпирические исследования

УДК 159.9

DOI: 10.28995/2073-6398-2021-1-28-50

Кросс-культурные различия в оценках эмоциогенных изображений: сравнение российской и азербайджанской выборок

Ирина В. Блинникова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, blinnikova-iv@yandex.ru*

Георгий Б. Блинников

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, georgijblinnikov@gmail.com*

Александр Н. Бобков

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, gopsus155@gmail.com*

Агигат Э. Алиева

*Филиал Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова в городе Баку,
Баку, Азербайджан, heqiqet22@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема опосредующего влияния культуры на эмоции, возникающие при восприятии образных стимулов. В конкретном случае анализируются различия в оценках эмоционально насыщенных фотографий респондентами из России и Азербайджана. В качестве стимулов использовался материал из Международной системы аффективных изображений (IAPS). Респондентам на экране монитора предъявлялись фотографии, которые отображали объекты и ситуации, и те должны были оценить свои эмоциональные отклики на стимулы по шкалам валентности (позитивные или негативные), активации (возбуждающие или успокаивающие) и доминантности. Было установлено, что общая направленность полученных оценок не различается в двух исследуемых выборках. Это позволяет говорить об универсальности эмоций, возникающих в ответ на эмоционально насыщенные изображения. Однако был выявлен и ряд значимых различий между азербайджанской и российской выборками в количественных характеристиках име-

ющихся ответов. Оценки валентности эмоциональных переживаний представителей азербайджанской культуры поляризуются, т.е. в данной группе негативные эмоции оцениваются как более негативные, а позитивные как более позитивные. (Для российской выборки фиксировалось скорее смещение к среднему.) Российская выборка при оценке превышала активирующий эффект стимулов, вызывающих негативные эмоции. Азербайджанская выборка была значимо более сдержана в оценках этого эффекта. Также азербайджанские респонденты оценивали переживания, возникающие в ответ на предъявление неприятных образов, как более контролируемые в отличие от российских респондентов. Полученные результаты свидетельствуют о влиянии культуры на степень эффекта эмоциогенных воздействий, а также на характер их когнитивной обработки.

Ключевые слова: кросс-культурные различия, эмоции, оценки, эмоционально насыщенные изображения

Для цитирования: Блиникова И.В., Блиников Г.Б., Бобков А.Н., Алиева А.Э. Кросс-культурные различия в оценках эмоциогенных изображений: сравнение российской и азербайджанской выборок // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2021. № 1. С. 28–50. DOI: 10.28995/2073-6398-2021-1-28-50

Cross-cultural differences in emotive image assessment: Comparison between Russian and Azerbaijani samples

Irina V. Blinnikova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, blinnikova-iv@yandex.ru*

Georgy B. Blinnikov

*Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia, georgijblinnikov@gmail.com*

Alexander N. Bobkov

*Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia, gopsus155@gmail.com*

Heqiqet E. Alieva

*MSU Branch in Baku
Baku, Azerbaijan, heqiqet22@mail.ru*

Abstract. This paper investigates the mediating influence of culture on emotions evoked by visual stimuli. It explores differences

between Russians and Azerbaijanis in assessment of emotionally charged photos. The stimuli came from the International Affective Picture System (IAPS). Having seen photos of objects and situations on their screens, the respondents assessed their emotional response to the stimuli by the valence scale (positive/negative), activation scale (stimulating/soothing) and dominance scale. Both samples showed no difference in the general direction of the given scores. This may speak about universality of emotions evoked in response to emotionally charged images. However, quantitative properties of the given answers also showed several significant differences between the Azerbaijani sample and the Russian one. The Azerbaijani scores of emotional experience valence are polarized, i.e., Azerbaijanis assess negative emotions as more negative and positive emotions as more positive. The Russian sample gravitated towards mean scores. The Russian sample overrated the activating effect of stimuli that invoked negative emotions. The Azerbaijani sample was significantly more restrained in assessing this effect. In addition, Azerbaijani respondents unlike Russian respondents assessed emotions invoked as a response to negative images as more controlled. The results of the study indicate a cultural contribution to the level of the emotive impact as well as to the cognitive processing character of this impact.

Keywords: cross-cultural differences, emotions, appraisals, affective pictures

For citation: Blinnikova, I.V., Blinnikov, G.B., Bobkov, A.N. and Alieva, H.E. (2021), "Cross-cultural differences in emotive image assessment: Comparison between Russian and Azerbaijani samples", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 1, pp. 28–50, DOI: 10.28995/2073-6398-2021-1-28-50

Введение

Проблема кросс-культурных различий в сфере эмоций и эмоциональной регуляции уже довольно давно исследуется в психологической науке [Коул 1997; Мацумото 2007; Экман 2010]. Однако в этой области далеко не все вопросы нашли свое разрешение. Во-первых, существует довольно много противоречивых данных, часть которых свидетельствует об универсальности паттернов эмоционального реагирования, а другая часть говорит о существовании культурно-специфических различий [Russell 2003; Scherer 1997]. Во-вторых, в сегодняшнем мире сохраняются белые пятна неисследованных культурных пластов, требующие внимательного рассмотрения [Багдасарова 2005]. Одна из проблем кросс-культурных исследований состоит в необходимости предъявления эквива-

лентных для разных культур тестов и стимульного материала, что, в частности, заставляет быть очень осторожными при использовании вербального материала для кросс-культурных исследований [Блинникова и др. 2007; Pavlenko 2002]. В связи с этим в течение последних двух десятилетий начала создаваться база эмоционально насыщенных образных стимулов таких, как Международная система аффективных изображений (IAPS) [Bradley, Lang 2000] и аналогичных ей наборов стимуляции [Васанов и др. 2013; Riegel et al. 2017], что позволило использовать единые основания для проведения психологических исследований¹.

Для того чтобы понять, как культура может опосредовать эмоциональные отклики на воздействия окружающей среды, требуется рассмотреть современные модели эмоциональной регуляции. В последнее время доминирующими стали теории, в которых ключевую роль в возникновении и определении характера эмоций играет субъективная оценка эмоциогенных воздействий. Начало этому подходу было положено исследованиями Арнольда [Arnold 1960] и Лазаруса [Lazarus 1982], но с течением времени идей и работ этого направления стало значительно больше. В качестве одной из перспективных моделей можно рассмотреть теорию Джеймса Гросса [Gross 1998; Панкратова 2014], где эмоциональные реакции в ответ на воздействия опосредуются оценками, существующими тенденциями реагирования и модуляцией ответа. За оценками стоят когнитивные процессы такие, как внимание и интерпретация. И то, и другое зависит от опыта взаимодействия с эмоциогенными ситуациями в прошлом, физиологических особенностей и моделирующих влияний социального окружения [Gross 2002]. Возможные эмоциональные реакции или тенденции включают в себя компонент субъективного переживания, физиологические сдвиги и поведенческие ответы. Предполагается, что именно процессы оценки (особенно, сложной оценки), имеющие когнитивную природу, являются проводниками влияния культуры [Mesquita, Ellsworth 2001].

Для доказательства этого положения было проведено несколько циклов исследований. Клаус Шерер [Scherer 1997] провел масштабное сравнение, в котором приняли участие студенты из 37 стран центральной и северной Европы, Средиземноморья, Северной и Латинской Америки, Азии и Африки. Респондентов просили вспомнить ситуации, когда они переживали 7 обозначенных эмоций (радость, гнев, страх, печаль, отвращение, стыд,

¹ Стоит оговорить, что эквивалентность стимульного материала не всегда подтверждается в исследованиях, но всегда требует дополнительного анализа [Mesquita, Ellsworth 2001; Riegel et al. 2017; Huang, Luo 2004]. Именно поэтому многие группы ученых разрабатывают культурно-специфичные наборы стимулов.

вину), и затем описать эти события, а также свои собственные субъективные переживания, физиологические и экспрессивные реакции и дать им оценку. Оценка предполагала использование девяти шкал: новое-ожидаемое, приятное-неприятное, достижение-недостижение цели, справедливое-несправедливое, возможность преодоления, причинная обусловленность, уровень соблюдения моральных норм, связанность с представлениями о самом себе. Результаты показали универсальность паттернов оценок для большинства эмоций (кроме отвращения). Также были установлены некоторые культурно специфические различия (особенно явно проявившиеся для африканских стран), которые касались отдельных шкал оценки – справедливости, нравственности, причинной обусловленности.

Эмоции, возникающие в ответ на разного рода воздействия, можно оценивать по разным параметрам. Шерер в описанном выше исследовании использовал сложно сконструированные шкалы, которые оставляли значительное пространство для интерпретации. Возможно, именно поэтому данный прием редко использовался, и исследователи, в том числе и сам Шерер [Scherer et al. 2006], обратились к работам Вильгельма Вундта [Wundt 1897] в поиске более простой конфигурации шкал. В свое время Вундт предложил три характеристики эмоционального опыта – валентность, уровень активации и интенсивность, которые дают возможность задать трехмерное пространство эмоций. Валентность позволяет определить эмоциональное переживание как приятное или неприятное, позитивное или негативное. Эраузел показывает, повышается или понижается активация в процессе переживания аффекта, а уровень активации – описать переживания как возбуждающие или как успокаивающие. Интенсивность, или сила, переживаний раскрывает степень связанного с аффектом напряжения или расслабления [Barrett, Bliss-Moreau 2009].

Идеи Вундта послужили основанием для большого числа подходов к оценке эмоционального опыта. Один из последователей его концепции – Питер Ланг – с начала 80-х гг. прошлого века начал разрабатывать методику оценки эмоциогенных образов [Lang et al. 2008]. Для этого была создана база данных из фотоизображений, каждое из которых впоследствии получило рейтинг по валентности, эраузелу и доминантности. Критерием для включения фотоизображений в базу данных служили следующие основания: (1) необходимо, чтобы фотографии отображали все эмоциональное пространство, (2) изображения должны быть цветными, (3) каждое изображение будет иметь четкое разграничение между фигурой и фоном, и (4) эмоциональные

параметры изображений могут быть легко идентифицированы респондентами. Эта база данных неоднократно использовалась в исследованиях эмоций и эмоциональной регуляции [Scherer et al. 2006; Ueno, 2019]. Также она послужила основанием для проведения множественных кросс-культурных сравнений.

В ряде исследований были получены данные об универсальности оценок эмоциогенных стимулов. Например, в странах Западной Европы [Bradley, Lang 2000; Soares et al. 2015] показатели по шкалам «Валентность» и «Активация (Эраузел)» были близки к оценкам американских выборок. Однако в других работах была выявлена культурная специфичность оценок, которая касалась, прежде всего, шкалы активации [Dufey et al. 2011; Lohani et al. 2013]. В отличие от американских респондентов индийские студенты оценивали активирующий эффект отрицательных эмоций (печаль и гнев) как более низкий [Roseman et al. 1995]. В Бразилии [Lasaitis et al. 2008] нейтральные и позитивные изображения оценивались как вызывающие большее эмоциональное возбуждение; в то же время малазийцы демонстрировали по этому показателю более высокие оценки, чем американцы [Rahman, Reza 2017]. В России тоже было проведено исследование по адаптации IAPS, где показатели по шкале «Активация (Эраузел)» значительно отличались от оценок американской выборки, что особенно касалось фотоизображений нейтрального содержания [Васанов и др. 2011].

В нашем исследовании мы сравнили оценки эмоционально-насыщенных изображений респондентами из России и Азербайджана. Вклад культуры в эмоциональные оценки в обеих странах еще недостаточно изучен. На основе анализа предыдущих исследований мы высказали ряд предположений. Основная гипотеза состояла в том, что оценки респондентов из двух выборок будут различаться по всем трем шкалам, при этом оценки азербайджанских респондентов будут более экспрессивными.

Методика

Респонденты. В исследовании приняли участие 76 азербайджаноязычных и 68 русскоязычных респондентов, состав групп равен по соотношению мужчин и женщин. Возраст испытуемых обеих выборок варьировался от 19 до 50 лет.

Стимульный материал. Эмоциональные изображения были отобраны из системы IAPS («Международная эмоциональная система фотоизображений»), которая представляет собой достаточно обширную базу данных, включающую набор эмоционально насыщенных стимулов с нормативными оценками и используемая для проведения психологических исследований. Изобра-

жения являются цветными фотографиями, репрезентирующими эмоциогенные ситуации или события. Из большого набора изображений были отобраны 12 стимулов, принадлежащих к категории позитивных, негативных и нейтральных эмоций. Описание представлено в таблице 1.

Таблица 1

Категории / примеры отобранных стимулов

Категория	Эмоции, вызываемые стимулами*	Индексация Международной системы аффективных изображений (IAPS)	Описание примеров
Позитивные Повышающие активацию	радость-удивление	1710; 2035; 2530	Смеющийся ребенок
Позитивные Не повышающие активацию	удивление-радость	2036; 2810; 5470	Женщина у прилавка магазина
Негативные Повышающие активацию	гнев-страх	2683; 9163; 9635	Горящий человек
Негативные Не повышающие активацию	отвращение-печаль	7380; 9043; 9185	Мертвые животные

Примечания: на первом месте стоит эмоция, наиболее часто упоминаемая экспертами, на втором – эмоция, также встречающаяся в их оценках.

В предварительном исследовании была проведена оценка изображений по эмоциональным категориям. Испытуемым предъявлялся набор из 60 стимулов, и они должны были отнести к одной из шести эмоций: радость, удивление, гнев, печаль, отвращение, страх. Затем были выбраны изображения, по которым согласованность оценок экспертов была достаточно высокая, хотя расхождения в экспертных оценках все же существовали. В итоге были отобраны 6 стимулов, вызывающих положительные эмоции, и 6 стимулов, вызывающих отрицательные эмоции. Среди эмоционально положительных стимулов были созданы две категории, в одну из которых вошли изображения, преимущественно индуцирующие радость (изображение улыбающихся детей, пожилых людей и детенышей животных), а во вторую – преимущественно удивление (изображение человека в открытом космосе, необычного использования предметов, женщины у прилавка с множеством товаров). Мы предполагали, что данные группы сти-

мулов будут отличаться по активирующему эффекту. (Радость переживается обычно как более положительная и активирующая эмоция, чем удивление.) Эмоционально отрицательные стимулы также были распределены на две категории: первая – изображения, индуцирующие преимущественно гнев или страх (включающие в себя сцены насилия, уличных столкновений, экстремальных ситуаций), и вторая – преимущественно отвращение или печаль (сцены с мертвыми животными, испорченной пищей, вид гнилых зубов). Так же, как и в случае с положительными эмоциями, мы предполагали, что изображения, вызывающие гнев или страх, будут переживаться как более активирующие, чем изображения, порождающие отвращение и презрение.

Шкалы оценки. В международной системе IAPS изображения имеют индексы по следующим шкалам.

Валентность обозначает положительную или отрицательную ценность, значимость объекта, события или действия для субъекта. Шкала валентности предполагает оценку знака эмоции, возникающей в ответ на предъявление изображения. Респонденты указывают, каким является возникающее переживание – положительным или отрицательным, вне зависимости от уровня активации и контролируемости эмоции.

Активация (эраузел) – это возбуждение, связанное с переживаемой эмоцией. Шкала предполагает оценку уровня активирующего воздействия предъявленного стимула без учета знака возникающей эмоции.

Доминантность – это сила переживания, которая одновременно задает степень контролируемости эмоции: чем выше доминантность, тем ниже потенциальная контролируемость. Оценка по этой шкале позволяет определить, насколько эмоция сильна и неконтролируема.

Процедура сбора данных. В самом начале тестирования респондент получал инструкцию, включающую подробное описание процедуры проведения исследования и шкал оценки. Инструкция давалась русскоязычным респондентам на русском, а азербайджаноязычным респондентам – на азербайджанском языке. После ознакомления с инструкцией на экране предъявлялась пробная серия, выполняя которую, респондент мог задать вопросы, уточнить направление шкалы оценки и т.д. Затем респондент оценивал отобранные изображения последовательно по трем шкалам: валентности, активации, доминантности. Сначала все оценивалось по одной шкале, затем – по второй и по третьей. Оценивание происходило с помощью нажатия кнопки на клавиатуре (от 1 до 9). Тестирование занимало непродолжительное время, в среднем около 5-10 минут.

Статистическая обработка данных. Использовался статистический пакет SPSS 20.0, дисперсионный анализ для выявления различий между оценками отдельных групп изображений (метод повторных измерений) и сравнение оценок групп респондентов (однофакторный дисперсионный анализ).

Результаты исследования и их обсуждение

Сравнение оценок блоков эмоциогенных ситуаций. На первом этапе обработки мы сравнили оценки разных эмоциогенных ситуаций между собой отдельно для российской и для азербайджанской выборок. И для российских, и для азербайджанских респондентов были установлены значимые различия в оценках разных блоков эмоциогенных ситуаций. Данные представлены в таблице 2.

Таблица 2

Оценки разных блоков эмоциогенных ситуаций представителями российской и азербайджанской культуры

Эмоциогенные ситуации, вызывающие:	Валентность		Активация		Доминантность	
	Азерб.	Росс.	Азерб.	Росс.	Азерб.	Росс.
Позитивные Повышающие активацию	7,41	7,31	6,62	7,16	7,09	8,05
Позитивные Не повышающие активацию	6,11	5,49	5,57	5,18	5,34	5,15
Негативные Повышающие активацию	2,37	3,27	4,83	6,98	4,06	6,54
Негативные Не повышающие активацию	2,63	3,78	4,09	6,23	4,36	6,30
Значимость различий	F (2, 73) = 108,01 p<0,000	F (2, 65) = 181,940 p<0,000	F (2, 73) = 25,094 p<0,000	F (2, 73) = 45,226 p<0,000	F(2, 73) =38,545 p<0,000	F(2, 65) =39,455 p<0,000

Мы также сравнили оценки, сделанные респондентами относительно разных шкал. Оказалось, что оценки по шкале «валентность» значимо отличаются от оценок по шкалам «активация»

(эраузел)» ($F(1; 143) = 131,42; p < 0,001$) и «доминантность» ($F(1; 143) = 88,75; p < 0,001$). При этом оценки по шкалам «активация» и «доминантность» не различались ($F(1; 143) = 0,046; p = 0,830$). Этот результат в целом повторяет данные схожих исследований в России, европейских странах и США [Васанов и др. 2011; Lang et al. 2008].

Анализ полученных данных демонстрирует во многом сходные паттерны эмоциональных оценок в российской и азербайджанской выборках. Блоки эмоционально негативных изображений вызывают и в том, и в другом случаях негативные эмоции, и, напротив, блоки эмоционально позитивных изображений индуцируют позитивные эмоции и у российских, и у азербайджанских респондентов. Также мы можем видеть, что при переходе от блока изображений, вызывающих преимущественно радость, к блоку стимулов, связанных скорее с удивлением, снижается оценка активирующего эффекта в обеих выборках. Более слабо этот же эффект проявляется и при переходе от оценок блока изображений, соотносимых с эмоциями гнева и страха, к блоку изображений, порождающих эмоции отвращения-печали. Сходство паттернов эмоциональных оценок говорит об их универсальном характере, что демонстрировалось и в ряде других исследований [Frijda 2005; Mesquita, Ellsworth 2001; Scherer 1997]. Однако более внимательный анализ позволил выделить и различия в эмоциональных оценках двух выборок.

Сравнение российской и азербайджанской выборок. При сравнении средних значений по критерию валентности у азербайджанской и российской выборки был установлен ряд значимых различий. Данные представлены на рис. 1. Различия значимы для блока изображений, вызывающих преимущественно гнев и страх ($F(1, 143) = 11,59; p < 0,01$), отвращение и печаль ($F(1, 143) = 33,46; p < 0,01$), удивление ($F(1, 143) = 6,41; p < 0,05$).

Стоит отметить, что блоки эмоционально негативных стимулов оцениваются азербайджанскими респондентами по сравнению с российскими респондентами как более негативные. Также мы можем констатировать, что азербайджанская выборка оценивает блок изображений, относящихся к эмоции удивления, как обладающих положительной валентностью, тогда как российская выборка склонна оценивать их как эмоционально нейтральные стимулы. Для блока изображений, вызывающих преимущественно радость, значимых различий между выборками установлено не было. Однако оценки азербайджанской выборки все равно, хоть и незначительно, сдвинуты к положительному полюсу. Эти результаты свидетельствуют о том, что оценки эмоционально на-

сыщенных стимулов в азербайджанской выборке поляризуются: негативные эмоции оцениваются как более негативные, а позитивные – как более позитивные.

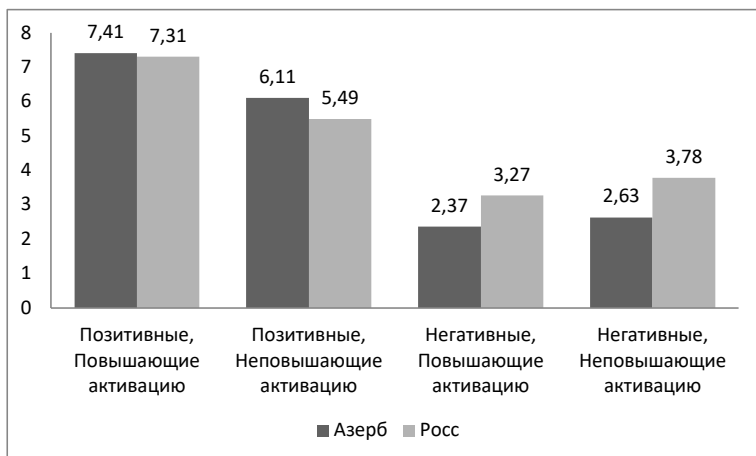

Рис. 1. Различия в оценках валентности эмоций, возникающих в ответ на фотоизображения разного типа, у представителей азербайджанской и российской культуры

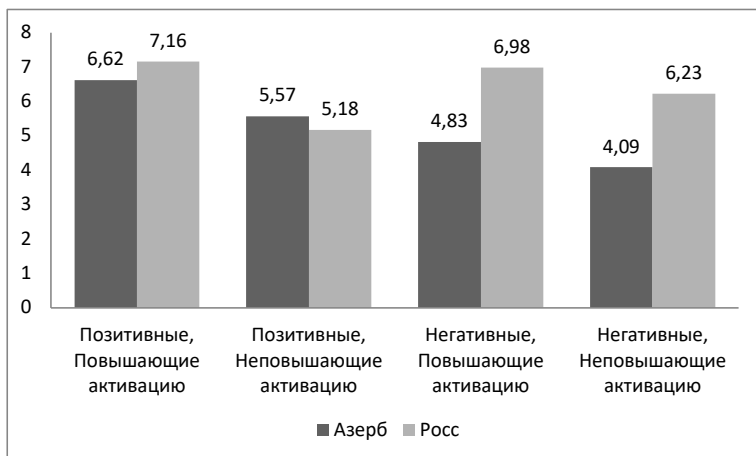

Рис. 2. Различия в оценках уровня активации эмоций, возникающих в ответ на предъявление фотоизображений разного типа, представителями азербайджанской и российской культуры

При сравнении средних оценок, сделанных азербайджанской и российской выборками, по параметру активации (эраузела), также были установлены значимые различия. Данные представлены на рис. 2. Различия значимы для блока изображений, вызывающих преимущественно радость ($F(1, 143)=5,81$; $p<0,05$), а также негативные эмоции – гнев-страх ($F(1, 143)=43,45$; $p<0,01$) и отвращение-печаль ($F(1, 143)=45,44$; $p<0,01$). Сила возбуждения, связанного с переживаемой эмоцией, в целом ниже по всем трем категориям в азербайджанской выборке. Это говорит о том, что российская выборка считает, что эмоционально насыщенные изображения из обозначенных категорий носят более активирующий характер, чем азербайджанская. Для блока изображений, вызывающих преимущественно удивление, значимых различий между выборками установлено не было. Однако оценки азербайджанской выборки незначительно сдвинуты к положительному полюсу шкалы активации (эраузела). Это свидетельствует о том, что интерес в азербайджанской выборке рассматривается как более активирующий.

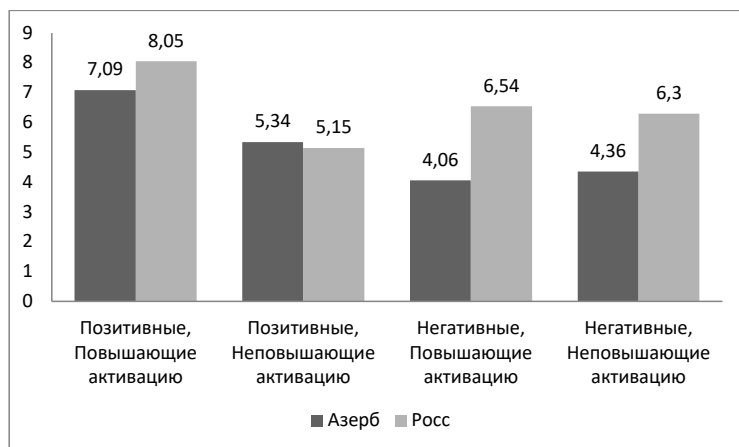

Рис. 3. Различия в оценках доминантности эмоций, возникающих в ответ на предъявление фотоизображений разного типа, представителями азербайджанской и российской культуры

При сравнении средних оценок, сделанных азербайджанской и российской выборками, по параметру доминантности также были установлены значимые различия. Данные представлены на рис. 3. Различия значимы для блока изображений, вызывающих преимущественно гнев и страх ($F(1, 143)=85,79$; $p<0,01$), отвращение и печаль ($F(1, 143)=37,92$; $p<0,01$), а также радость ($F(1, 143)=19,34$; $p<0,01$). Сила воздействия, которая одновременно задает степень

контролируемости переживаемого эмоционального состояния, т.е. доминантность, оценивается ниже азербайджанскими респондентами. Причем, как и в случае с активацией, это касается как отрицательных эмоций, так и радости. Такие результаты говорят о том, что азербайджанская выборка считает, что вызываемые изображениями эмоции требуют контроля или подавления. Для блока изображений, вызывающих преимущественно удивление, значимых различий между выборками установлено не было.

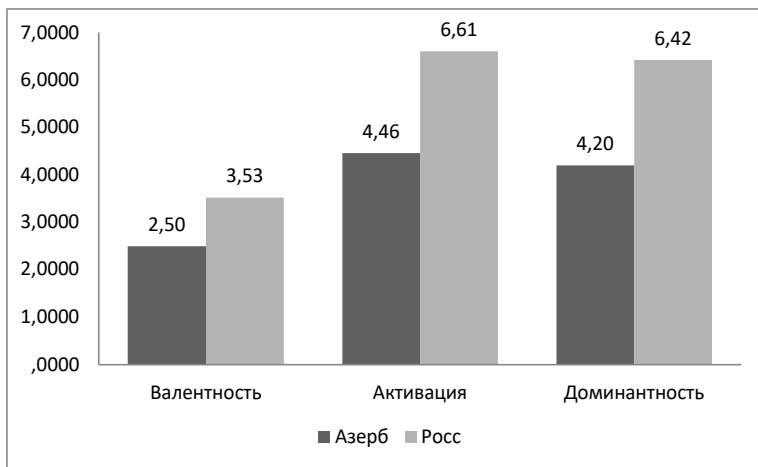

Рис. 4. Различия в оценках негативных переживаний представителями азербайджанской и российской культуры

Мы отдельно проанализировали различия в оценках азербайджанской и российской выборок по блокам эмоционально негативных и позитивных изображений (данные представлены на рисунках 4-5). Можно констатировать, что оценки представителей азербайджанской культуры переживаний, возникающих при столкновении с негативными ситуациями, сдвинуты к отрицательному полюсу по сравнению с российской выборкой. Различия значимы: $F(1, 143)=29,92$; $p<0,01$. Азербайджанская выборка склонна считать, что эмоции, возникающие при оценке эмоциональных изображений, рисующих ситуации столкновений, горящего человека или трупы животных, гнилых зубов, очень неприятны. По сравнению с азербайджанской, российская выборка оценивает эти переживания как менее негативные. В отличие от российской выборки, представители азербайджанской выборки оценивали изображения, относящиеся к блоку отрицательных эмоций, как менее активирующие ($F(1, 143)=54,5$; $p<0,01$) и более контролируемые ($F(1, 143)=74,2$;

$p < 0,01$). Похожее расхождение были зафиксированы при сравнении выборки индийских и американских студентов [Roseman et al. 1995]. Индийские студенты оценивали эмоции гнева и печали как менее возбуждающие.

Что касается позитивных переживаний (условных «радости» и «удивления»), можно констатировать, что они оцениваются азербайджанской выборкой как более позитивные ($F(1, 143) = 4,3$; $p < 0,05$), в то время как их активирующий эффект оценивается как более слабый (хотя различия незначимы). Изображения, вызывающие положительные эмоции, оценивались представителями азербайджанской культуры как менее доминирующие, сравнительно с российской выборкой ($F(1, 143) = 4,34$; $p < 0,05$).

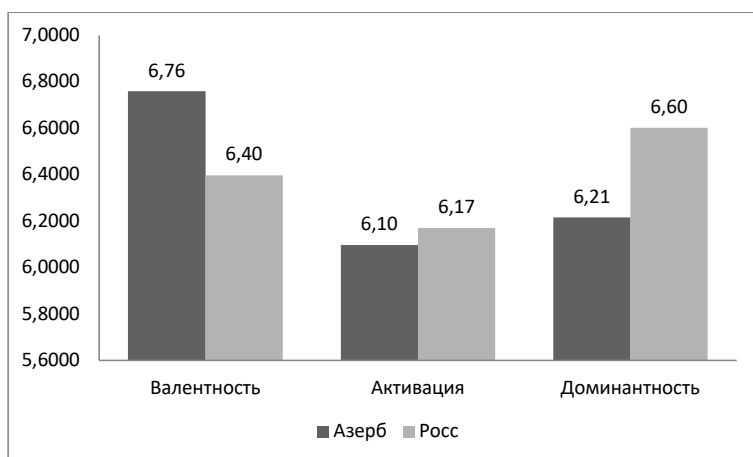

Рис. 5. Различия в оценках позитивных переживаний представителями азербайджанской и российской культуры

Построение пространства эмоций. Мы поставили перед собой дополнительную задачу: построить пространство эмоций, которое позволяет соотнести оценки между шкалами. Поскольку оценки по шкалам активации и доминантности были близки, мы ограничились двумя измерениями: шкалой активации и валентности. Пространство, построенное на основе оценок российской выборки, представлено на рис. 6. Анализируя расположение отдельных блоков эмоциогенных стимулов, можно понять, что в российской выборке элементы располагаются по типу «бумеранга», повторяя закономерность, установленную во многих других исследованиях [Васанов и др. 2013; Riegel et al. 2017]. Такое характерное расположение вызвано особым соотношением между отдельными параметрами оценки эмоциогенных воздействий: чем более оценки

валентности возникающих эмоций стремятся к полюсам шкалы, тем выше оценивается их активирующий эффект. В то время как активирующий эффект эмоций, валентность которых стремится к среднему, оценивается достаточно низко. Другими словами, ситуации, события и объекты, оцениваемые экстремально негативно или позитивно, вызывают большее возбуждение, бóльшую силу переживаний.

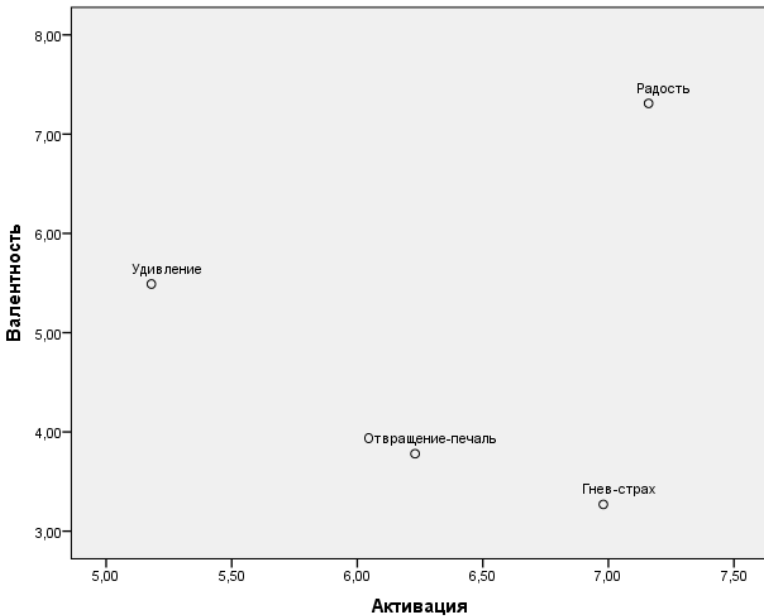

Рис. 6. Расположение четырех блоков эмоциогенных ситуаций в пространстве шкал «валентности» и «активации» по результатам оценок российских респондентов. Для простоты восприятия категории заданы обозначением отдельных эмоций

Несколько иная картина наблюдается при обработке данных азербайджанской выборки (рис. 7). Здесь мы можем видеть несколько усеченный «бумеранг». Позитивные эмоции оцениваются как вызывающие больший активирующий эффект. В то время как активация, вызываемая эмоционально негативными стимулами, оценивается как средняя. Надо отметить, что связь между двумя шкалами в форме бумеранга проявляется не для всех культур. В частности, исследования японской выборки показали наличие отрицательных корреляций между оценками по шкалам валентности и активации (эраузела).

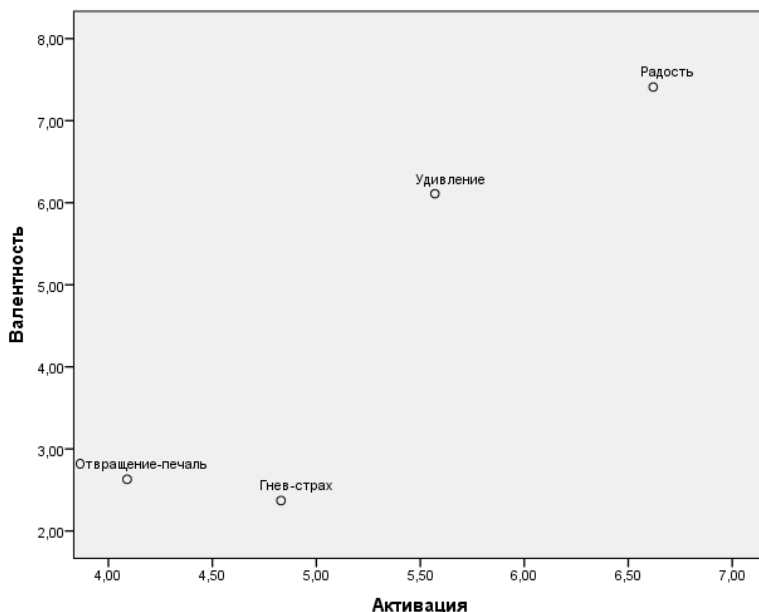

Рис. 7. Расположение четырех блоков эмоциогенных ситуаций в пространстве шкал «валентности» и «активации» по результатам оценок азербайджанских респондентов. Для простоты восприятия категории заданы обозначением отдельных эмоций

Заключение и выводы

Полученные результаты продемонстрировали ряд доказательств в пользу универсальности эмоциональных откликов, возникающих в ответ на предъявление фотоизображений с разным аффективным содержанием. Паттерны оценок респондентов были во многом схожи. Направленность или знак эмоциональных переживаний не различался у представителей двух выборок: эмоционально позитивные изображения оценивались как положительные, а эмоционально негативные – как отрицательные. Также отмечены сходные смещения оценок относительно разных блоков эмоционально насыщенных изображений. Наряду с этим установлен и ряд универсальных эффектов, проявлявшихся в других исследованиях подобного рода. Так, например, выявлено сходство оценок по шкале активации и доминантности, а также фиксировалась связь оценок по шкалам валентности и активации.

В то же время были обнаружены кросс-культурные различия между азербайджанской и российской выборками. Оказалось, что в азербайджанской выборке оценки валентности эмоциональных

переживаний, индуцируемых предъявленными фотоизображениями, поляризуются, т.е. негативные эмоции оцениваются как более негативные, а позитивные – как более позитивные. Наиболее ярко этот эффект проявлялся для негативных эмоций. Азербайджанская выборка склонна считать, что эмоции, возникающие при оценке изображений, рисующих ситуации столкновений, горящего человека или трупы животных, гнилых зубов, чрезвычайно неприятны. Для российской выборки при оценке валентности эмоций наблюдался скорее эффект регрессии к среднему. Их оценки эмоционально негативных изображений были смещены в положительную сторону относительно азербайджанской выборки. Напротив, в российской выборке оценки валентности переживаний, возникающих в ответ на эмоционально позитивные изображения, особенно связанные с эмоцией удивления, сдвигались к отрицательному полюсу.

Также отмечены различия в оценках двух выборок, сделанных по шкалам активации (эраузела) и доминантности. Прежде всего это касалось оценок эмоционально негативных изображений. Азербайджанская выборка оценивала активирующий и доминирующий эффект негативных стимулов более сдержанно по сравнению с российской выборкой. Мы можем предположить, что в азербайджанской выборке действует мощная контролирующая или даже подавляющая тенденция, обусловленная культурно-историческими особенностями, которая не позволяет развиваться сильной активации при виде сцен насилия и особенно отталкивающих изображений. Данные соотношения оценок двух шкал еще раз наглядно демонстрируют подтверждение тех фактов, которые были установлены при сравнении оценок, сделанных представителями двух выборок, по каждой отдельной шкале.

Были выявлены и различия в соотношении оценок, данных по шкалам валентности и активации (эраузела). Для российской выборки характерен «эффект бумеранга», который заключается в усилении активирующего эффекта стимулов при приближении к полюсам шкалы валентности. В азербайджанской выборке этот эффект касался только положительного полюса шкалы валентности: чем более позитивно оценивались стимулы, тем выше оценивался уровень активации, который они вызывают. Для эмоционально отрицательных стимулов эта закономерность проявлялась слабее.

Итогом работы стало обнаружение универсальных и культурно специфических аспектов в оценках эмоциогенных изображений разноязычными респондентами. Данные такого рода могут служить для разработки культурных ассимиляторов, а также основой для более глубокого взаимопонимания представителей разных культур.

Благодарность

Статья выполнена в рамках гранта «Кросс-культурные различия в способах когнитивной обработки вербального и образного материала» Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 20-013-00674.

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project “Cross cultural differences in methods of cognitive processing of verbal and visual material”, no. 20-013-00674.

Литература

Багдасарова 2005 – *Багдасарова Н.А.* Эмоциональный опыт в контексте разных культур // Человек. 2005. № 4. С. 24–31.

Блинникова и др. 2007 – *Блинникова И.В., Блинников Г.Б., Фролова Е.В.* Влияет ли язык обозначения на ментальные представления об эмоциях? // Обработка текста и когнитивные технологии. 2007. № 14. С. 18–25.

Васанов и др. 2011 – *Васанов А.Ю., Марченко О.П., Машанло А.С.* Проверка стандартных показателей эмоционально окрашенных фотоизображений IAPS на русской выборке // Экспериментальная психология. 2011. Т. 4. № 3. С. 126–132.

Васанов и др. 2013 – *Васанов А.Ю., Марченко О.П., Севостьянова М.С.* Подбор культурноспецифичных эмоционально окрашенных фотоизображений для экспериментальных исследований // Экспериментальная психология. 2013. Т. 6. № 4. С. 105–114.

Коул 1997 – *Коул М.* Культурно-историческая психология: наука будущего. М.: Изд. «Институт психологии РАН», 1997. 432 с.

Мацумото 2007 – *Мацумото Д.* Психология и культура. СПб.: Питер, 2007. С. 12–52.

Панкратова 2014 – *Панкратова А.А.* *Подход Дж. Гросса* к изучению эмоциональной регуляции: примеры кросс-культурных исследований // Вопросы психологии. 2014. № 1. С. 147–155.

Экман 2010 – *Экман П.* Психология эмоций. СПб.: Питер, 2010. 336 с.

Arnold 1960 – *Arnold M.* Emotion and Personality. Psychological aspects. Vol. 1. New York, Columbia University Press, 1960. 296 p.

Barrett, Bliss-Moreau 2009 – *Barrett L.F., Bliss-Moreau E.* Affect as a Psychological Primitive // Advances in experimental social psychology. Vol. 41. Burlington: Academic Press, 2009. P. 167–218.

Bradley, Lang 2000 – *Bradley M., Lang P.* Measuring Emotion: Behavior,

Feeling and Physiology // *Cognitive Neuroscience of Emotion* / Ed. by R. Lane, L. Nadel. Oxford: Oxford University Press, 2000. 446 p.

Dufey et al. 2011 – *Dufey M., Fernandez A.M., Mayol R.* Adding support to cross-cultural emotional assessment: Validation of the International Affective Picture System in a Chilean sample // *Universitas Psychologica*. 2011. Vol. 10. no. 2. P. 521–533.

Frijda 2005 – *Frijda N.* Emotion experience // *Cognition and Emotion*. 2005. Vol. 19. P. 473–497.

Gross 1998 – *Gross J.* The emerging field of emotion regulation: an integrative review // *Review of General Psychology*. 1998. Vol. 2. no. 3. P. 271–299.

Gross 2002 – *Gross J.* Emotion regulation: Affective, cognitive, and social consequences // *Psychophysiology*. 2002. no. 39 (3). P. 281–291.

Huang, Luo 2004 – *Huang Y.X., Luo Y.J.* Native assessment of international affective picture system // *Chinese Mental Health Journal*. 2004. no. 19. P. 631–634.

Lang et al. 2008 – *Lang P.J., Bradley M.M., Cuthbert B.N.* International affective picture system (IAPS): Affective ratings of pictures and instruction manual. Technical Report A-8. Gainesville: University of Florida, 2008.

Lasaitis et al. 2008 – *Lasaitis C., Ribeiro R., Bueno O.* Brazilian norms for the International Affective Picture System (IAPS): comparison of the affective ratings for new stimuli between Brazilian and North-American subjects // *Jornal Brasileiro De Psiquiatria*. 2008. Vol. 57. no. 4. P. 270–275.

Lazarus 1982 – *Lazarus R.* Thoughts on the Relations Between Emotion and Cognition // *American Psychologist*. 1982. Vol. 37. P. 1019–1024.

Lohani et al. 2013 – *Lohani M., Gupta R., Srinivasan N.* Cross-cultural Evaluation of the International Affective Picture System on an Indian sample // *Psychological Studies*. 2013. Vol. 58. no. 3. P. 233–241.

Mesquita, Ellsworth 2001 – *Mesquita B., Ellsworth P.C.* The role of culture in appraisal // *Appraisal processes in emotion: Theory, methods, research* / Ed. by K.R. Scherer, A. Schorr, T. Johnstone. UK: Oxford University Press, 2009. P. 233–248.

Pavlenko 2002 – *Pavlenko A.* Emotions, the body in Russian, English // *Pragmatics and Cognition*. 2002. Vol. 10. no. 1–2. P. 201–236.

Rahman, Reza 2017 – *Rahman N.A., Reza F.* Rating of Affective Pictures of Low and High Arousal Domain among Malaysian Population // *International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*. 2017. Vol. 7. P. 507–518.

Riegel et al. 2017 – *Riegel M., Moslehi A., Michalowski J.M., Zurawski L.,*

Horvat M., Wypych M., Jednorog K., Marchewka A. Affective Picture System: Cross-Cultural Study in Europe and Iran // *Frontiers in psychology*. 2017. Vol. 8. 274 p.

Roseman et al. 1995 – Roseman I.J., Dhawan N., Rettek S.I., Naidu R.K., Thapa K. Cultural differences and cross-cultural similarities in appraisals and emotional responses // *Journal of CrossCultural Psychology*. 1995. Vol. 26. no. 1. P. 23–48.

Russell 2003 – Russell J. Core Affect and the Psychological Construction of Emotion // *Psychological Review*. 2003. Vol. 110. P. 145–172.

Scherer 1997 – Scherer K.R. The role of culture in emotion-antecedent appraisal // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1997. Vol. 73. no. 5. P. 902–922.

Scherer et al. 2006 – Scherer K.R., Dan-Glauser E., Flykt A. What determines a feeling's position in affective space? A case for appraisal // *Cognition and Emotion*. 2006. Vol. 20. no. 1. P. 92–113.

Soares et al. 2015 – Soares A.P., Pinheiro A.P., Costa A., Frade C.S., Comesana M., Pureza R. Adaptation of the International Affective Picture System (IAPS) for European Portuguese. *Behavior Research Methods*. 2015. Vol. 47 (4). P. 1159–1177.

Ueno et al. 2019 – Ueno D., Masumoto K., Sato S., Gondo Y. Age-Related Differences in the International Affective Picture System (IAPS) Valence and Arousal Ratings among Japanese Individuals // *Experimental Aging Research*. 2019. Vol. 45 (4). P. 331–345.

Wundt 1897 – Wundt W. *Outlines of Psychology*. Bristol: Thoemmes Press, 1897. P. 92.

References

Arnold, M. (1960), *Emotion and Personality. Vol. 1: Psychological aspects*, Columbia University Press, New York, USA. 296 p.

Bagdasarova, N.A. (2005), “Emotional experience in the context of different cultures”, *Chelovek*, no. 4, pp. 24–31.

Barrett, L.F. and Bliss-Moreau, E. (2009), “Affect as a Psychological Primitive”, *Advances in experimental social psychology*, vol. 41, pp. 167–218.

Blinnikova, I.V., Blinnikov, G.B. and Frolova, E.V. (2007), “Does the labelling language influence mental representations about emotions?”, *Obrabotka teksta i kognitivnye tekhnologii*, no. 14, pp. 18–25.

Bradley, M. and Lang, P. (2000), “Measuring Emotion: Behavior, Feeling and Physiology”, in Lane, R. and Nadel, L. (ed.), *Cognitive Neuroscience of Emotion*, Oxford University Press, Oxford, UK. 446 p.

Dufey, M., Fernandez, A.M. and Mayol, R. (2011), “Adding support to cross-cultural emotional assessment: Validation of the International

Affective Picture System in a Chilean sample”, *Universitas Psychologica*, vol. 10, no. 2, pp. 521–533.

Ehkman, P. (2010), *Psikhologiya ehmtsii* [Psychology of the emotion], Piter, Saint Petersburg, Russia, 336 p.

Frijda, N. (2005), “Emotion experience”, *Cognition and Emotion*, vol. 19, pp. 473–497.

Gross, J. (1998), “The emerging field of emotion regulation: an integrative review”, *Review of General Psychology*, vol.2, no.3, pp.271–299.

Gross, J. (2002), “Emotion regulation: Affective, cognitive, and social consequences”, *Psychophysiology*, vol. 39, no. 3, pp. 281–291.

Huang, Y.X. and Luo, Y.J. (2004), “Native assessment of international affective picture system”, *Chinese Mental Health Journal*, no. 9, pp. 631–634.

Koul, M. (1997), *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya: nauka budushchego* [Cultural-historic psychology: science of the future], Institut psikhologii RAN, Moscow, Russia, 432 p.

Lang, P.J., Bradley, M.M. and Cuthbert, B.N. (2008), International affective picture system (IAPS): *Affective ratings of pictures and instruction manual*, Technical Report A-8, University of Florida, Gainesville, USA.

Lasaitis, C., Ribeiro, R. and Bueno, O. (2008), “Brazilian norms for the International Affective Picture System (IAPS): comparison of the affective ratings for new stimuli between Brazilian and North-American subjects”, *Jornal Brasileiro De Psiquiatria*, vol. 57, no. 4, pp. 270–275.

Lazarus, R. (1982), “Thoughts on the Relations Between Emotion and Cognition”, *American Psychologist*, vol. 37, pp. 1019–1024.

Lohani, M., Gupta, R. and Srinivasan, N. (2013), “Cross-cultural Evaluation of the International Affective Picture System on an Indian sample”, *Psychological Studies*, vol. 58, no. 3, pp. 233–241.

Matsumoto, D. (2007), *Psikhologiya i kul'tura* [Psychology and culture], Piter, Saint Petersburg, Russia, pp. 12–52.

Mesquita, B. and Ellsworth, P.C. (2001), “The role of culture in appraisal”, in Scherer, K.R., Schorr, A. and Johnstone, T. (ed.), *Appraisal processes in emotion: Theory, methods, research*, Oxford University Press, Oxford, UK, pp. 233–248.

Nazeerah, A.R. and Faruque, R. (2017), “Rating of Affective Pictures of Low and High Arousal Domain among Malaysian Population”, *International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*, vol. 7, pp. 507–518.

Pankratova, A.A. (2014), “J. Gross’s approach to emotional regulation research: examples of cross-cultural investigations”, *Voprosy psikhologii*, no. 1, pp. 147–155.

- Pavlenko, A. (2002), "Emotions, the body in Russian, English", *Pragmatics and Cognition*, vol. 10, no. 1–2, pp. 201–236.
- Rahman, N.A. and Reza, F. (2017), "Rating of Affective Pictures of Low and High Arousal Domain among Malaysian Population", *International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*, vol. 7, pp. 507–518.
- Riegel, M., Moslehi, A., Michalowski, J.M., Zurawski, L., Horvat, M., Wypych, M., Jednorog, K. and Marchewka, A. (2017), "Nencki Affective Picture System: Cross-Cultural Study in Europe and Iran", *Frontiers in psychology*, vol. 8, 274 p.
- Roseman, I.J., Dhawan, N., Rettek, S.I., Naidu, R.K. and Thapa K. (1995), "Cultural differences and cross-cultural similarities in appraisals and emotional responses", *Journal of CrossCultural Psychology*, vol. 26, no. 1, pp. 23–48.
- Russell, J. (2003), "Core Affect and the Psychological Construction of Emotion", *Psychological Review*, vol. 110, pp. 145–172.
- Scherer, K.R. (1997), "The role of culture in emotion-antecedent appraisal", *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 73, no. 5, pp. 902–922.
- Scherer, K.R., Dan-Glauser, E., and Flykt, A. (2006), "What determines a feeling's position in affective space? A case for appraisal", *Cognition and Emotion*, vol. 20, no. 1, pp. 92–113.
- Soares, A.P., Pinheiro, A.P., Costa, A., Frade, C.S., Comesana, M. and Pureza, R. (2015), "Adaptation of the International Affective Picture System (IAPS) for European Portuguese", *Behavior Research Methods*, vol. 47 (4), pp. 1159–1177.
- Ueno, D., Masumoto, K., Sato, S. and Gondo, Y. (2019), "Age-Related Differences in the International Affective Picture System (IAPS) Valence and Arousal Ratings among Japanese Individuals", *Experimental Aging Research*, vol. 45, no. 4, pp. 331–345.
- Vasanov, A.Yu., Marchenko, O.P. and Sevost'yanova, M.S. (2013), "Search for culturally specific, emotionally charged photos in the experimental research", *Ehksperimental'naya psikhologiya*, vol. 6, no. 4, pp. 105–114.
- Vasanov, A.Yu., Marchenko, O.P. and Mashanlo, A.S. (2011), "Assessment of standard scores of emotionally charged IAPS images in the Russian sample", *Ehksperimental'naya psikhologiya*, vol. 3, pp. 126–132.
- Wundt, W. (1897), *Outlines of Psychology*, Thoemmes Press, Bristol, UK, 92 p.

Информация об авторах

Ирина В. Блиникова, кандидат психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; *blinnikova-iv@yandex.ru*

Георгий Б. Блитников, кандидат филологических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9; *georgijblinnikov@gmail.com*

Александр Н. Бобков, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9; *gopsus155@gmail.com*

Azizat Э. Алиева, Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Баку, Баку, Азербайджан; AZ1143, Азербайджан, г. Баку, Ясамальский район, ул. Ф. Агаева, д. 14; *heqiqet22@mail.ru*

Information about the authors

Irina V. Blinnikova, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; *blinnikova-iv@yandex.ru*

Georgy B. Blinnikov, Cand. of Sci. (Philology), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 11/9, Mokhovaya Street, Moscow, Russia, 125009; *georgijblinnikov@gmail.com*

Alexander N. Bobkov, Lomonosov, Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 11/9, Mokhovaya Street, Moscow, Russia, 125009; *gopsus155@gmail.com*

Heqiqet E. Alieva, MSU Branch in Baku, Baku, Azerbaijan; bld. 14, Firudin Agayev Street, Baku, Azerbaijan, AZ1143; *heqiqet22@mail.ru*